

Русская литература

№ 1

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1990

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д. С. Лихачев. Закономерности и антизакономерности в литературе	3
Е. Н. Купреянова. Гоголь-комедиограф (публикация В. Е. Ветловской)	6
В. И. Мельник. И. А. Гончаров в полемике с этикой позитивизма (к постановке вопроса)	34
Анна Тамарченко (США). Драматургическое новаторство Михаила Булгакова	46

ИЗ НАСЛЕДИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Игорь-Северянин. Ручьи в лилиях. Поэзы 1896—1909 годов (публикация В. А. Кошелева)	68
К. Ю. Лаппо-Данилевский. Глеб Струве — историк литературы	99
Г. П. Струве. Журналы русского зарубежья	108

ФОЛЬКЛОРИ СОВРЕМЕННОСТЬ

Т. А. Новичкова. Два мира — земной и космический — в современных народных легендах	132
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Е. Г. Водолазкин. Всемирная история в духовном мире древнерусского книжника (к вопросу литературного освоения Хроники Амартола)	144
Г. И. Ганзбург. К истории издания сочинений Елизаветы Кульман	148
Р. Г. Назарьян, М. Г. Салупере. Эстонские страницы биографии В. К. Кюхельбекера	156
К. А. Кумпан. История издания поэтического сборника Вяземского «В дороге и дома»	164

Г. М. Фридендер. Достоевский в оценке Хосе Ортеги-и-Гасета	172
И. А. Битюгова, И. Д. Якубович. Неизвестное письмо Достоевского к Н. А. Любимову, посвященное «Братьям Карамазовым»	177
С. А. Рейсер. Н. С. Лесков и народная книга	181
О. В. Евдокимова. Н. С. Лесков и Ф. И. Буслаев	194
О. А. Кузнецова. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова)	200
Ю. Л. Кроль. Об одном необычном трамвайном маршруте («Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилева)	208
Э. Ф. Голлербах. Из воспоминаний о Федоре Сологубе (публикация М. М. Павловой)	218
М. В. Безродный. Об одной подписи Алексея Ремизова	224
В. В. Перхин. Два письма Андрея Платонова	228
В. Н. Запевалов. О судьбе шолоховского архива	232

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. А. Грякалов, Ю. Ю. Дорохов. От структурализма к деконструкции (западные литературно-эстетические теории 70—80-х годов XX века)	236
П. Е. Бухаркин. Первый том нового словаря русских писателей	249

ХРОНИКА

С. Покровская. Всесоюзная научная конференция «Анна Ахматова. Труды и дни»	256
Е. А. Голлербах. Ахматова, Голлербах, Лукницкий (по поводу одной публикации в «Нашем наследии»)	262

Редакционная коллегия:

Н. Н. СКАТОВ (и. о. главного редактора),
В. Н. БАСКАКОВ, *Г. Я. ГАЛАГАН* (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ*,
Г. А. ГОРЫШИН, *В. Я. ГРЕЧНЕВ*, *Н. А. ГРОЗНОВА*, *Л. А. ДМИТРИЕВ*, *Б. Ф. ЕГОРОВ*,
А. И. ПАВЛОВСКИЙ, *А. М. ПАНЧЕНКО*, *В. А. ТУНИМАНОВ*, *С. А. ФОМИЧЕВ*,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Отв. секретарь редакции *М. Д. Кондратьев*

Адрес редакции: 199034, Ленинград, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

И. А. Битюгова, И. Д. Якубович

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ДОСТОЕВСКОГО К Н. А. ЛЮБИМОВУ, ПОСВЯЩЕННОЕ «БРАТЬЯМ КАРАМАЗОВЫМ»

В период работы над романами «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», публиковавшимся в журнале «Русский вестник», Достоевский многократно обменивался письмами с М. Н. Катковым и его соредктором — публицистом, профессором физики Н. А. Любимовым. Кроме деловых (о сроках и условиях публикации или удовлетворении, часто вперед, денежных просьб нуждавшегося писателя) сохранились и письма творческого характера, в которых Достоевский, стремясь оградить романы от идейных и художественных потерь, излагал, с учетом позиций адресатов, концепцию своих произведений или их отдельных частей, оговаривал принципы издания, обеспечивающие наибольший эффект у читателей. В ряде писем Достоевский отстаивал, прежде всего, ракурс изображения той или иной воссоздаваемой коллизии и проявляющиеся в ней грани облика героев. Так, например, писатель не разделял мнение редакции журнала о IX-ой главе второй части (по первоначальному делению), соответствующей IV-ой главе второй части отдельного издания «Преступления и наказания», где изображено посещение Расколь-

никовым Сони Мармеладовой и чтение ею глав из Нового завета «про воскресение Лазаря». По мнению Каткова, этой сцене был придан «идеализированный» колорит. Как известно из примечания (возможно, адресата) к ранней публикации письма Достоевского А. П. Милюкову об этом конфликте, Н. А. Любимов выступил посредником, «склоняя Федора Михайловича к уступчивости и умеряя требования Михаила Никифоровича».¹

Письмо Достоевского к Н. А. Любимову из Старой Руссы от 25 мая 1879 года, переписанное рукой М. А. Поливановой, обнаружено в ЦГАЛИ в фонде Л. И. Поливанова (Ф. 2191. Оп. 1. Ед. хр. № 20. Л. 84—85). Оно содержит возражения Достоевского на замечания уже самого Н. А. Любимова, относящиеся к главе IV-ой «Бунт» и сделанные им при отсылке писателю корректур первых четырех глав книги пятой «Pro и contra». Копия письма находится в черновой тетради Л. И. Поливанова, крайние даты заполнения которой 1874—1890 годы. Здесь скопированы 17 писем Достоев-

¹ Русский вестник. 1889. № 2. С. 361.

ского к Н. А. Любимову и М. Н. Каткову за период с 1866-го по 1881 год. Девять из них переписаны Л. И. Поливановым, остальные его женой М. А. Поливановой. Все письма к этим адресатам, кроме письма от 25 мая 1879 года к Н. А. Любимову, были опубликованы Б. Л. Модзалевским в журнале «Былое»² и вошли в подготовленное А. С. Долининым четырехтомное издание писем Достоевского, а затем в академическое Полное собрание его сочинений.³ Всего было известно 33 письма Достоевского к Любимову; подлинники их хранятся в ИРЛИ (Ф. 160). Настоящее, 34-е, письмо будет включено в качестве дополнения в последнюю, вторую книгу 30-го тома.

Лев Иванович Поливанов (1838—1898) — педагог и писатель, основатель известной частной («поливановской») гимназии в Москве. Достоевский, возможно ранее слышавший о нем или знавший его по «Обществу любителей российской словесности», часто общался с Поливановым в мае—июне 1880 года, когда последний был назначен председателем комиссии по открытию памятника Пушкину и организации пушкинских торжеств.⁴ Так, например, 30—31 мая 1880 года он сообщал А. Г. Достоевской из Москвы: «... ездил к Поливанову (секретарю Общества, директору гимназии). Поливанов объяснил мне все *шаги* в Думе и билеты и откомандировал молодого человека мне помогать (Л. М. Лопатина. — И. Б., И. Я.). Познакомил меня с семейством, сошлась целая ватага учителей и гимназистов, и мы пошли (в том же здании) рассматривать вещи и портреты Пушкина, которые пока хранятся в этой гимназии».⁵ Судя по этому письму, знакомство Достоевского с Марией Александровной Поливановой произошло 30 мая. Через десять дней, уже после произнесенной 8 июня речи о Пушкине, вечером 9 июня 1880 года, накануне его отъезда из Москвы, М. А. Поливанова решила прийти к Достоевскому в гостиницу «Лоскутная», чтобы повидаться и попросить для переписки ставшую знаменательным событием речь. Известна «Запись» М. А. Поливановой, составленная, по словам ее сына И. Л. Поливанова, «для себя, с целью сохранить во всех подробностях пережитые высокие впечатления» от этой встречи с Достоевским.⁶ «Самое дерзновение

рассказчицы поехать к Достоевскому, — замечает И. Л. Поливанов, — в значительной степени объясняется не только ее давней мечтой о личной беседе с ним, но и близким прикосновением к устройству самого Пушкинского праздника: она была ближайшей участницей многих хлопот, помогая в них своему мужу...» Далее И. Л. Поливанов подчеркивает, что Достоевский «и до того» был «властителем ее духовных интересов», а речь на празднике явилась для ее «впечатлительной... натуры наибольшим душевным событием», а также свидетельствует, что «в комнате... матери неизменно висел прекрасный фотографический портрет Достоевского, ее особый портрет; в библиотеке отца висел такой же, но среди портретов и других писателей, в комнате же матери был портрет одного писателя Ф. М. Достоевского».⁷ Беседа в «Лоскутной», совместно со вскоре пришедшим к Достоевскому С. А. Юрьевым, коснулась, в частности, «Пиковой дамы». Писатель выразил желание узнать впечатления М. А. Поливановой от «недавно» перечитанной им и высоко оцененной «фантастической» повести Пушкина (бросившей отсвет и на «видения» Ивана Карамазова). 22 июля 1880 года Мария Александровна отправила в Старую Руссу письмо. Отзыв предварил глубоко доверительное признание, в котором Поливанова делится интимными семейными переживаниями. Этой ее исповеди в шести письмах, с двумя ответными письмами Достоевского, посвящена подглавка «Бокковой сюжет» в книге И. Л. Волгина.⁸ Естественно бережное отношение Поливановых, особенно Марии Александровны, получивших доступ к архиву «Русского вестника» с его письмами к соредакторам журнала по всей вероятности уже после смерти Достоевского. По-видимому, есть все основания полагаться и на подстрочное примечание Поливановой, объясняющее причину, по которой приводимое ниже письмо осталось вне поля зрения публикаторов писем Достоевского М. Н. Каткову и Н. А. Любимову. К строке письма: «Но эти черты как они необходимы для художественной задачи!», содержащей эмоционально выраженный протест писателя против редакторского непонимания его творческих установок, Поливанова сделала следующее пояснение: «Естественно, Люб(имов) не дает этого письма печ(атать)».

Сохранившемуся в копии Поливановой письму Достоевского к Любимову от 25 мая предшествует ранее известное письмо к этому же адресату от 10 мая 1879 года, посланное вслед за отправкой в «Русский вестник» листа «два с половиною (minimum) текста „Братьев Карамазовых“ для предстоящей майской книги» журнала. Оговаривая, что это лишь «половина» пятой книги «Pro и contra», которая, с его точки зрения, «есть кульминационная точка

² Былое. 1919. № 14. С. 39—51; 1920. № 15. С. 99—134.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Л., 1983—1988. Т. 28. Кн. 1; Т. 28. Кн. 2; Т. 29. Кн. 1; Т. 30. Кн. 1.

⁴ См.: Сливцкий А. Лев Иванович Поливанов по личным моим воспоминаниям и по его письмам // Памяти Л. И. Поливанова. М., 1909. С. 86—111.

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 171—172.

⁶ См. «Запись» М. А. Поливановой и сведения о ней в кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 357—364, 470.

⁷ Голос минувшего. 1923. № 3. С. 34, 37—38.

⁸ Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М., 1986. С. 302—311.

романа, и... должна быть закончена с особенной тщательностью», и что для него «важнее всего» получение корректур, Достоевский разъясняет: «Мысль ее, как Вы уже увидите из посланного текста, есть изображение крайнего богохульства и зерна идеи разрушения нашего времени в России, в среде оторвавшейся от действительности молодежи, и рядом с богохульством и с анархизмом — опровержение их, которое и готовится мною теперь в последних словах умирающего старца Зосимы, одного из лиц романа»; и далее подчеркивает, что «трудность» взятой им на себя «задачи» и является причиной растянутости пятой книги на два номера «Русского вестника». Выражающиеся в главе «Бунт» убеждения «одного из главных действующих лиц» Ивана Карамазова Достоевский характеризует как «синтез современного русского анархизма. Отрицание не бога, а смысла его создания», заключая: «Основные анархисты были, во многих случаях, люди искренне убежденные. Мой герой берет тему, *по-моему*, неотразимую: бессмыслицу страдания детей и выводит из нее абсурд всей исторической действительности. Не знаю, хорошо ли я выполнил, но знаю, что лицо моего героя в высочайшей степени реальное».⁹

Реагируя в следующем письме на замечания Н. А. Любимова, сопровождавшие корректуру и, по всей вероятности, направленные против богоборческого пафоса рассуждений Ивана, насыщенного строя его речи при описании детских страданий, Достоевский ссылается на то, что приводимые его героем факты собраны им самим и не раз фигурировали в «Дневнике писателя» и других его произведениях; подчеркивает различие между героем и автором, отмечая характерность проявления молодого бунта Ивана Карамазова.

Воспроизводим текст письма Достоевского, отправленного им Н. А. Любимову из Старой Руссы при возвращении корректур глав 1—4-ой пятой книги «Братьев Карамазовых»:

25 мая 1879.

Все Ваши отметки на корректурах я принял во внимание¹ и в смысле их всё переделал, взамен чего и Вас прошу обратить внимание на нижеследующие объяснения.

Густые краски в анекдоте «о сеченой 7^{ми} летней девочке» взяты мною буквально из обстоятельств дела Кронеберга в 76 г. Это дело и защиту адвоката Спасовича я тогда поместил в издаваемом мною «Дневнике писателя», и не пожалел красок, но не сгустил их вовсе, ибо это дело в чистом виде даже неизобразимо.² Статья моя произвела тогда в Петербурге и во всей России *фурор*. И если б Вы знали, от каких лиц, от каких дам и из каких зданий я получал массу восторженных благодарственных писем, приветов, ободрений. Называть только этих лиц не хочу. Итак *густые краски* не воз-

будили тогда отвращения, ибо употреблены были для святой цели. А Вы заметили мне, что судя по моим выпискам, адвокат говорит умеренно. Но умеренность то эта и возмутила, потому что была в высшей степени неумеренностью и бесчестной невоздержанностью (Спасович), ибо страшное истязание, за которое по нашим законам ссылают в Сибирь, он свел до размеров наказания «розочкой», на этом-то я его и разбил тогда³ (Кронеберг — поляк и Спасович — поляк).

Чтобы Вам не противоречить, я смягчил. Но очень прошу Вас принять в соображение даже и впредь именно: что было в «Дневнике», то было дело особое, но теперь здесь в романе — это ведь *не я говорю* густыми красками, преувеличениями и гиперболами (хотя против действительности нет преувеличений), а лицо моего романа Иван Карамазов. Это *его* язык, *его* слог, *его* пафос, а *не мой*. Это мрачнораздраженный и много молчавший человек. Ни за что бы он никогда и не заговорил, если бы не случайная, вдруг разгоревшаяся его симпатия к брату Алексею. Кроме того, это еще очень молодой человек. Как же он мог бы заговорить, о чем так долго молчал и на чем надсадил сердце, не прорвавшись, без *особ(енного)* увлечения, без пены у рта. Но я именно и хотел, чтобы выдалось лицо и чтобы читатель заметил именно эту страстность, этот наскок, этот литературный, обрывистый подход.

Далее, Вы отметили как *излишнюю* подробность замечание о том, что 5^{ти} летний ребенок не мог научить *проситься*. Так, может быть, и была бы излишнею, если б шла от меня, как от автора. Но идет она опять таки от *лица* и характерно рисует лицо.⁴ О, много подобных черт кажутся ненужными! Но эти черты как они необходимы для художественной задачи! Да уже одно то, что 23 летний молодой человек это приметил, уже показывает, что он об этом думал и мучился серьезнее, чем многие молодые люди его лет. Сострадают обыкновенно в *целом*. На мелкие же подобные подробности не обращают внимания, а уж если 23 летний обратил, значит принял к сердцу. Значит дебатировал в уме своем, значит был адвокатом детей, и как он *там дальше* не представлялся бесчувственным, но сострадание и самая сердечная, нежная любовь к детям в нем есть. Этот Иван делает потом в романе косвенно преступление, но не из расчета, не из жадности к наследству, а так сказать по принципу, во имя идеи, с чем сам потом совладать не может и *выдает* себя именно потому, может быть, что раз, когда-то, его сердце, разбирая страдания детей, не упустило такую ничтожную по-видимому подробность. Сама же подробность *не грязна*, ибо все, что относится к детям — чисто, светло и *прекрасно*. Даже это. Вспомните Амура Гвидо-Рени, пьющего вино и *пустившего струю* на первом плане. Классическая из классических знаменитость.⁵

Насчет генерала я поправил по Вашему желанию. Действительно, у меня как бы ко всем

⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 30. Кн. 1. С. 63.

генералам относилось. Собственно факт *еще* смягчен. Вспомните, что еще в это самое время генерал — наместник Сибирский хотел объявить себя даже независимым политически.⁶ Мало ли что тогда было. Дело истории.

О разбойнике, резавшем детей, было у меня совсем не ясно, соглашаюсь. Теперь по исправлении совершенно ясно.⁷ Я только хотел попросить Вас особенно, многоуважаемый Николай Алексеевич; впредь, в сомнительных случаях (если только будут) обращать внимание от *чьего* лица говорится. Ибо иное лицо по характеру своему иногда не может иначе говорить. Я же постараюсь тщательнее относиться к делу.

P. S Так же точно все рассуждения о том, что страдания есть, а виновных нет, принадлежат *лицу*, а не автору.⁸ Это-то уж кажется ясно.

¹ Корректировочные листы романа «Братья Карамазовы» не сохранились и характер правки писателя, выполненной по отметкам Любимова, неизвестен.

² В рассказе Ивана Карамазова повторены некоторые детали «дела» С. Л. Кроненберга, о которых Достоевский особо напомнил во второй главе февральского выпуска «Дневника писателя» 1876 года, посвященной этому процессу. Ср.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти т. 1976. Т. 14. С. 219—220; 1981. Т. 22. С. 50 (у Достоевского и во всех изданиях его сочинений: «дело Кроненберга»; уточнение фамилии см.: *Вопросы литературы.* 1971. № 9. С. 181).

³ После появления первых выпусков «Дневника писателя» Достоевского «засыпали письмами и визитами с изъявлениями благодарности» (см.: *Достоевский в воспоминаниях современников.* М., 1964. Т. 2. С. 241; а также публикации И. Л. Волгина: *Вопросы литературы.* 1971. № 9. С. 173—196 и *Русская литература.* 1976. № 3. С. 123—132). Контингент читателей был очень широк, начиная от демократически настроенной молодежи и кончая отзывами, исходящими из дворцовых стен, о чем и намекает писатель Любимову. К этому периоду относится личное знакомство Достоевского с великими князьями К. К. и С. А. Романовыми, с фрейлиной А. Е. Комаровской и другими высокопоставленными лицами (см.: *Гроссман Л. П.* Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // *Лит. наследство.* 1934. Т. 15. С. 83—123). Процесс Кроненберга вызвал большой резонанс в самых различных слоях общества, и позиция Достоевского, вскрывшего «фальшь» речи адвоката В. Д. Спасовича, была широко поддержана. Так, Х. Д. Алчевская, высоко оценившая февральский выпуск «Дневника писателя» 1876 года, писала Достоевскому: «„Дело Кроненберга“... chef d'oeuvre Вашего „Дневника“ (по признанию самых строгих судей)... я знаю людей, которые придают огромное значение этой статье. Они говорят: „Пройдет несколько лет, забудется дело Кроненберга, забудется всё, что писалось и говорилось по этому делу... одна только эта статья никогда не утратит своего значения

и будет служить живым укором и обществу, и адвокату, и всем нам...“» *Алчевская Х. Д.* Передуманное и пережитое. М., 1912. С. 69—70). Характерной непосредственной реакцией на освещение Достоевским дела Кроненберга является обращение к писателю неизвестной, за подписью «Мать»: «Если бы можно было сейчас, сию минуту очутиться возле Вас, с какой радостью я обняла бы Вас, Федор Михайлович, за Ваш февральский „Дневник“. Я так славно поплакала над ним и, кончив, пришла в такое праздничное настроение духа, что спасибо Вам» (*Вопросы литературы.* 1971. № 9. С. 181). Об откликах читателей на февральский выпуск «Дневника писателя» 1876 года см. также: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 22. С. 306—309.

⁴ Иван Карамазов, говоря о том, что у него «очень много собрано о русских детках», воспроизводит подробности «истязаний» родителями пятилетней девочки. Эти факты почерпнуты Достоевским из опубликованного в «Голосе» (1879. № 79, 80, 82) отчета о харьковском процессе Е.-Г. и А.-И. Брунстов (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 14. С. 220—221; Т. 15. С. 554).

⁵ Достоевский, по всей вероятности, имеет в виду не картину итальянского художника болонской школы Гвидо Рени (1575—1642), живопись которого носит суровый аскетический характер, а знаменитое полотно его современника, фламандца П.-П. Рубенса (1577—1640) «Вакх» (Гос. Эрмитаж, Ленинград), отличающееся смелостью реалистических наблюдений. На первом плане этой картины один из амуров, окружающих Вакха, поднимающего чашу с вином, смотрит на него и «пускает струю».

⁶ Речь идет, по-видимому, об Н. Н. Муравьеве (1809—1881), генерал-губернаторе Восточной Сибири с 1847-го по 1861 год, получившем титул Амурского после заключения айгунского трактата, уточняющего границы (по Амуру) между Россией и Китаем. В 1861 году вследствие недовольства его проектом реорганизации губернаторства Восточной Сибири (разделения на два), воспринятого, вероятно, как претензия на независимую политическую деятельность, он принужден был оставить эту должность. См.: *Барсуков И.* Граф Н. Н. Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. СПб., 1891.

⁷ Имеются в виду строки о разбойнике, которому «случалось избивая целые семейства в домах», забираясь «по ночам для грабежа, резать заодно и несколько детей» и который, «сидя в остроге... их до странности любил. Из окна острога он только и делал, что смотрел на играющих детей. Одного маленького мальчика он приучил приходить к нему под окно, и тот очень сдружился с ним» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 14. С. 217). Сравнивая себя с этим разбойником, Иван прикрывает свою любовь, любовь, по его словам, «карамазовца», к детям, что звучит как довольно суровая стыдливая самооценка.

⁸ Рассуждение Ивана: «О, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что всё одно из другого выходит прямо и просто, что всё течет и уравнивается, — но ведь это лишь эвклидовская дичь, ведь я знаю же это, ведь жить по ней я не могу же согласиться! Что мне в том, что виновных нет и что я знаю — мне надо возмездия, иначе ведь я истреблю себя» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.*: В 30-ти т. Т. 14. С. 222), — Достоевский соотносит с рассказом старца Зосимы в записи

Алеши Карамазова о своем умершем от чихотки «юноше брате», который незадолго перед кончиной говорит: «Да еще скажу тебе, матушка, что всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех» (Там же. С. 262). Именно эта мысль о взаимосвязанности всех людей, ответственности их друг перед другом близка к авторской точке зрения, отразившейся еще в черновиках «Идиота», где Достоевский намечал: «Идиот видит все бедствия. Бессилие помочь. Цепь и надежда. Сделать немного. Ясная смерть» (Там же. 1974. Т. 9. С. 241).